

Л. Т. Яблонский

**«ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ СССР» Г. Ф. ДЕБЕЦА
С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ**

Материалы для книги «Палеоантропология СССР» были собраны и в основном осмыслены Г. Ф. Дебецом еще в довоенные годы, а почти сразу после окончания Отечественной войны (в 1948 г.) монография уже вышла из печати.¹ Она подводила итог первому этапу становления и развития советской школы палеоантропологии.

В течение длительного времени эта книга, вобравшая в себя методологический, методический и практический материал, служила учебником для поколений советских антропологов и археологов. С момента выхода этого труда прошло почти полвека. За это время, благодаря широким археологическим работам, были получены новые и к тому же многочисленные палеоантропологические материалы, которые значительно продвинули наши представления о сложных процессах расо- и культурогенеза многочисленных народов, населяющих территорию бывшего СССР. По историческим проблемам, которые в свое время поставил Г. Ф. Дебец, написаны сотни статей и монографий. Если Георгий Францевич вынужден был использовать немногочисленные по составу, весьма мозаичные и зачастую случайно подобранные серии, то мы теперь располагаем возможностью работать с палеоантропологическим материалом на уровне, приближенном к популяционному. К тому же накопленные материалы, особенно те из них, которые датируются от эпохи бронзы, практически полностью покрывают исторические карты на различных хронологических срезах.

И все же пожелтевшие от времени страницы «Палеоантропологии», устарев физически, не устарели по смыслу заложенных в них идей.

Пафос методологических подходов Дебца к работе с палеоантропологическим материалом во многом был обусловлен решительной антирасистской и антинационалистической позицией ученого. Конечно же, главы «Палеоантропологии», так же как и его блестящая статья в сборнике «Наука о расах и расизм»², готовились автором в условиях конкретной политической обстановки в Европе 1930 — 40-х годов. Однако мы не можем, к сожалению, сказать, что в наши дни эта тема исчерпана и, к еще большему сожалению, должны констатировать, что мы до сих пор, подчас, сталкиваемся с проявлениями национализма, и не только в зарубежной научной литературе и околонучной публицистике. В связи с этим хотелось бы напомнить важнейшие методологические подходы Г. Ф. Дебца, которые остаются незабываемыми и по сей день.

Он констатировал изменчивость расовых комплексов не только в пространстве, но и во времени, рассматривая таким образом расу как категорию историческую. На фоне широкой изменчивости наблюдается, тем не менее, очевидная приуроченность расовых типов к определенным географическим ареалам, что и делает расу вполне конкретным историческим явлением.

Вместе с тем, Дебец также определенно говорил о несовпадении расовых и культурных проявлений. Априорное отождествление расовых типов с комплексами материальной культуры или, тем более, с этническими подразделениями ничего не дает для разрешения этногенетических проблем и даже может привести к ошибочным выводам. Георгий Францевич утверждал, что группы человечества, объединяемые по языковым и культурным признакам, как правило, не совпадают с расовыми подразделениями. Многочисленные попытки установить расовую основу тех или иных культурных форм основаны на глубоко тенденциозных посылках о влиянии биологического фактора на ход исторического процесса.

Как известно, подобные попытки в последнее десятилетие получили интенсивное развитие в трудах Л. Н. Гумилева и его последователей³, и надо признать, что они нашли положительный отклик со стороны общественности, хотя и были подвергнуты резкой научной критике⁴.

Все это не означает, однако, полного отсутствия связи между расо- и культурогенезом. Другое дело, что взаимосвязи здесь не прямые и соподчиненные, а опосредованные и относительно независимые, однако, связанные через географическую приуроченность. Замечание В. П. Алексеева⁵ о том, что в ряде случаев прямая зависимость между расой, языком и культурой все же имеет место, не меняет существа дела. Сам Алексеев признавал, что подобные явления наблюдаются исключительно в культурно-генетических изолятах. А изоляты, как известно, никогда не определяли общие тенденции в развитии исторических процессов всемирных масштабов. Они, таким образом, являются лишь исключением, подтверждающим правило Дебеца.

Признавая существенную роль миграций в истории, Г. Ф. Дебец предостерегал от попыток выявления направлений и характера древних миграций с использованием только лишь признаков материальной культуры. Он доказывал, что современная археология не имеет критериев, позволяющих достаточно четко разграничить конвергентные проявления культуры от тех ее элементов, которые распространялись из единого центра. Несколько лучше дело обстоит в тех случаях, когда речь идет о находках, связанных с появлением новых форм флоры и фауны, новых разновидностей кремня, ибо автохтонное развитие культуры не может, конечно, вызвать появление того или иного растения или животного, если данный вид не существовал здесь ранее в диком состоянии. Поэтому центры распространения таких форм устанавливаются гораздо точнее, чем, например, для типов наконечников стрел. Но и в тех случаях, когда возникновение культурного элемента имеет определенный центр, остается неясным механизм распространения данного элемента. Поэтому решающее слово здесь принадлежит палеоантропологии.

Распространение, пусть внезапное, того или иного элемента культуры, или, как мы сейчас говорим, проявление культурной инновации, может определяться отнюдь не только миграцией. Культурная инновация может быть результатом обмена, торговли, военного захвата и других причин, не связанных напрямую с переселением человеческих популяций. Между тем выявление механизма инновации далеко не безразлично для правильного понимания конкретного исторического явления.

По мнению Дебеца, эта конкретность складывается из двух основных моментов — *физико-географической среды* (конкретной экологической обстановки) и *социально-политической ситуации*, уровня и характера взаимоотношений изучаемого общества с окружающими его коллективами. Эти идеи также не потеряли своей актуальности. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, далеко не всегда оправданные попытки реконструировать миграционные процессы через сравнительно-типологическое сопоставление исключительно культурных признаков, а с другой стороны — то значение, которое придается в науке (и особенно теперь) изучению характера взаимодействия и взаимовлияния сообществ, занимающих неадекватные, но соседние экологические ниши.

Лишь сравнительно недавно археологи стали активно использовать принцип картографирования элементов материальной культуры и признаков погребально-го обряда. Между тем Георгий Францевич прямо указывал, что именно географическая территория является важнейшим связующим звеном между антропологической, этнографической и археологической системой признаков.

На страницах своей книги Дебец определенно продемонстрировал приверженность к интеграционному подходу к изучению исторических явлений, и не только теоретически, но и практически. С учетом значимости для реконструкции этногенеза конкретных культурно-исторических явлений исследование его должно проводиться при обязательном использовании палеоантропологического материала,

но с постоянным учетом достижений лингвистики и этнографии, а главное, принятых в археологии хронологических шкал и культурно-типологических рубрикаций.

Это совершенно очевидное на первый взгляд требование далеко не всегда выполнялось (а иногда не выполняется и теперь) коллегами Георгия Францевича. Как ни странно, стремление использовать популяционные подходы в палеоантропологических исследованиях с целью избежать ошибок, неизбежных при создании априорных расово-типологических схем (цель благородная), приводило иногда к еще большим искажениям результатов. С целью численного увеличения палеоантропологических выборок специалисты, далеко не всегда осмысленно, прибегали к такому комбинированию серий, которое вступало в явное противоречие с археологическими рубриками (и, следовательно, с исторической реальностью). А это приводило в результате не к уточнению, а к смазыванию реальной картины расо- и этногенеза, так как в этом случае как раз и нарушались основные принципы реконструкции популяционной структуры того или иного сообщества. Забегая вперед, нужно сказать, что тем более поражает колоссальная интуиция Дебеца, которая позволила ему, используя исключительно фрагментарные материалы, постулировать расогенетические выводы, научная ценность которых и теперь не подлежит сомнению.

Конкретизируя изложенные идеи, Дебец формулирует общие задачи палеоантропологического исследования, которые, по его мнению, состоят в следующем: систематизация палеоантропологического материала в соответствии с археологическими концепциями; использование методических приемов, которые позволили бы дифференцировать культурные изменения, возникшие в результате миграций, от инноваций, наступивших вследствие закономерной трансформации культуры; создание методических приемов, которые позволили бы установить исходные рубежи и направления миграций, коли последние реально фиксируются в палеоантропологическом материале. Успешное выполнение этих основных задач делает возможным использование данных палеоантропологии для реконструкции конкретных исторических ситуаций.

Дебец приводит сильные аргументы в пользу историзма палеоантропологического материала. Изменения расового типа во времени не безграничны, и поэтому появление новой для данного района комбинации антропологических признаков может быть объяснено только миграцией населения. Кроме того, изменения расовых типов во времени характеризуются определенными закономерностями, а многие диагностические признаки рас второго порядка не связаны между собой, поэтому, если две хронологически последовательные группы населения различаются между собой по некоторым признакам, то вероятность миграции тем больше, чем большее количество признаков их различает.

С учетом идей А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебец формулирует также три основных методических принципа изучения палеоантропологического материала. Во-первых, речь идет о необходимости учета таксономической соподчиненности расовых категорий и, следовательно, о таксономической неравноценности расовых признаков; во-вторых, об обязательности проведения внутригруппового анализа, главная цель которого — установить степень антропологической однородности изучаемой группы в пределах той или иной расовой таксономической категории; в-третьих, о выявлении внутригрупповых корреляционных зависимостей (что, кстати, не учитывается современными методами статистического анализа по сумме признаков), о контроле данных внутригруппового анализа межгрупповым.

И наконец, говоря о вкладе Дебеца в развитие палеоантропологической методики, необходимо напомнить, что именно он впервые обобщил те приемы, которые и по сей день самым выгодным образом отличают школу российской краниологии от школ американской и западноевропейской. Я имею в виду ту часть краниометрической программы Дебеца, которая позволяет учитывать особенности профилировки лицевого скелета черепа.

Подводя итоги краткому обзору методологических и методических идей Дебе-

ца, которые он изложил в своей «Палеоантропологии», нужно со всей определенностью сказать, что они не только не устарели, но по-прежнему являются хорошим теоретическим руководством для современных антропологов, да и не только антропологов.

Значительная часть монографии посвящена обобщению имеющихся в то время палеоантропологических материалов и их исторической интерпретации. Это был титанический труд, который Георгий Францевич проделал практически в одиночку.

Считая, что большие человеческие расы формируются не позднее, чем в верхнем палеолите, он предполагал, что в эпоху неолита и бронзы север Евразии был заселен людьми, которые характеризовались сходным — протоевропеоидным (или кроманьонским в широком понимании этого термина) антропологическим типом. Предпосылки для такого вывода очевидны: черепами собственно неолитического времени ученый не располагал. Исключение составляли плохо документированные археологически и странные, по тому времени, морфологически, к тому же единичные давнишние находки из Казанской губернии и Приуралья. А черепа эпохи ранней бронзы были представлены в коллекции, в основном, сериями ямной, афанасьевской и катакомбной культур, а также оленеостровскими материалами, которые в совокупности действительно представляли матуризованный, гиперморфный и относительно низколицый антропологический тип с резко выраженной европеоидной профилировкой лицевого скелета.

Еще до недавнего времени считалось, что этот тип в эпоху неолита и бронзы являлся гомогенным и покрывал всю территорию Северной Евразии. Позже, с накоплением краниологических серий среднеазиатского происхождения времени неолита и бронзы, специалисты противопоставляли протоевропеоидному типу, выделенному Дебецом, средиземноморский южноевропеоидный тип, в котором долихокранная мозговая коробка сочеталась с гипоморфией и относительной грацильностью⁶. Этот тип также рассматривался сначала как гомогенный, но затем из него были выделены серии так называемого восточносредиземноморского типа, которые отличались от классических средиземноморских относительной широколицестью.

По мере накопления новых палеоантропологических материалов оказалось, что уже в эпоху неолита и тем более ранней бронзы антропологический покров территории бывшего СССР был гораздо более пестрым, чем предполагалось ранее. Детальные разработки Т. К. Ходжайова⁷ доказали резкую антропологическую неоднородность серий, объединяемых ранее в категории «восточносредиземноморский тип». И хотя Ходжайов сохранил название этого расового подразделения, антропологические различия между популяциями, которые в него входят, настолько велики (сравним, например исключительно массивные черепа из могильника Ранний Тулхар на территории Таджикистана с энеолитическими южносреднеазиатскими), что они ставят под сомнение саму реальность существования этого подразделения.

Почти одновременно (в 70-е и 80-е годы) самарские, казанские и саратовские археологи получили серийный краниологический материал неолитического и энеолитического времени с территории Среднего Поволжья (могильники Меллятамакские⁸, Съезжинский⁹, Хвалынский¹⁰), который показал реальность существования в лесостепи Волго-Уральского региона долихокранного, но гипоморфного или умеренно гиперморфного антропологического комплекса. Наряду с ним в лесной полосе Восточной Европы для эпохи неолита — энеолита фиксируется комбинация краниологических признаков, в которой мезо- и брахикrania сочетается с относительно низким и слегка уплощенным лицевым скелетом. Любопытно, что такие черепа были найдены и на территории Рязанской области (Шагарский могильник)¹¹.

Что же касается серий, напоминающих «протоевропеоидный» тип, выделенный Дебецом, то факт их численного преобладания в эпоху неолита — бронзы следует признать, но с поправкой, что почти все они географически локализируются

в степном поясе Евразии. Впрочем, по мере накопления новых данных, антропологическая гомогенность и этого населения, в том числе андроновского, которое Г. Ф. Дебец считал классическим протоевропеоидным, выглядит сомнительной.

Сказанное является лишним свидетельством тому, что количественное накопление палеоантропологических материалов перешло в их качественное переосмысление, что отражает нормальное поступательное развитие науки. Можно заметить, однако, что Георгий Францевич не придавал абсолютного значения «протоевропеоидному типу», ссылаясь на фрагментарность материалов, которыми он располагал, и надеясь, что в будущем удастся все же выявить антропологические совокупности и внутри выделенного им подразделения. Это, собственно, и произошло, когда палеоантропологи получили возможность работать не с отдельными черепами, а с серийными материалами (хотя и малочисленными). Кроме того, полемизируя на страницах «Палеоантропологии» с Коссина, который выдвинул тезис об антропологической гомогенности населения, оставившего культуру с ямочно-гребенчатой керамикой, Дебец сам наметил вполне определенные физические различия внутри древнейшего пласта населения Восточной Европы.

Вместе с тем, глобальные выводы Дебца об историческом взаимодействии европеоидного и монголоидного антропологических пластов остаются непоколебимыми. Он первым обратил внимание на то, что вплоть до эпохи раннего железа ареал европеоидов распространялся далеко на восток, по сравнению с нынешним. Новые материалы лишь уточнили восточную границу этого ареала, доведя ее до центральной части Монголии¹². Также остается в силе и вывод Дебца о том, что с древнейших времен монголоидные популяции населяли лесную полосу Сибири. В последнее время в лесостепи Южной Сибири были раскопаны погребения, которые продемонстрировали существование краниологически относительно грацильных, с монголоидной примесью людей, захоронения которых сопровождалась классическим андроновским инвентарем. Такие находки еще и еще раз подтверждают тезис Г. Ф. Дебца об отсутствии прямой зависимости между расовой и культурной принадлежностью. С другой стороны, они свидетельствуют о том, что популяции, археологически входящие в андроновскую (в данном случае) культуру, были антропологически гетерогенными и что для работы с материалами, происходящими из контактных в экологическом и культурном отношении зон, нужны особые подходы.

Рассматривая палеоантропологические материалы эпохи раннего железа и отмечая резкие антропологические различия между степными популяциями Восточной Европы, с одной стороны, и центральноазиатскими и сибирскими, — с другой, Г. Ф. Дебец ставит под сомнение формирующееся уже тогда у некоторых археологов представление об антропологическом и даже этническом единстве скифо-сибирского мира на пространствах от Дуная до Тянь-Шаня, заключая, что эта гипотеза не находит поддержки со стороны палеоантропологического материала. К сказанному Дебецом можно лишь добавить, что с этой же точки зрения не выдерживает критики мнение ряда археологов, выступающих в поддержку версии о приходе скифов в Северное Причерноморье из глубин Центральной Азии¹³.

В эпоху раннего железа, по мнению Дебца, намечаются центры брахикефализации. Они генетически и культурно не связаны между собой, и процесс брахикефализации происходил конвергентно в разных регионах эйкумены. В то же время андроновский мезо-долихокранный антропологический тип, но уже в смягченном варианте, продолжает существовать не только на территории восточноевропейских степей, но и в лесной полосе Южной Сибири. Г. Ф. Дебец доводит хронологические границы существования этого варианта до сарматского времени, фиксируя его в серии из Сталинградского Заволжья. Позже этот тезис подтвердился сводкой Б. В. Фирштейн¹⁴, в которую вошли уже гораздо более объемные в количественном отношении материалы. Крайне массивные резко европеоидные черепа, краниометрически сопоставимые не только с андроновцами, но

и с ямниками, были получены мною из раскопок раннесарматских могильников в Южном Приуралье. По данным А. В. Шевченко и Б. В. Фирштейн¹⁵ сходный краниологический вариант доживает на территории Северного Причерноморья вплоть до позднесарматского времени.

Вся совокупность накопленных за последние десятилетия данных подтверждает вывод Дебеца о том, что глобальные изменения в соотношении ареалов европеоидов и монголоидов на территории степной Евразии наступают лишь в гуннское время. Они сопровождали исторические события, которые в существенной мере повлияли на этнополитическую карту Европы. Действительно, как оказалось, даже на территории западной части казахстанских и среднеазиатских степей, судя по материалам раннесакских могильников Южного Приаралья, в первой половине I тыс. до н. э. монголоидный расовый тип фиксируется лишь в виде более или менее выраженной примеси, а во второй половине того же тысячелетия полностью исчезает и здесь, появляясь вновь лишь в середине I тыс. н. э.¹⁶

По-настоящему активное проявление монголоидной комбинации антропологических признаков (и это тоже совпадает с представлениями Г. Ф. Дебеца) связано с возникновением и последующей экспансией в степь тюркских каганатов, а позднее — с монгольским нашествием, хотя, судя по имеющимся новым данным, последнее нигде не изменило характер антропологического покрова существенным образом¹⁷.

В рамках короткого сообщения невозможно не только прокомментировать, но даже просто перечислить весь спектр исторических проблем, затронутых в монографии Г. Ф. Дебеца, и я не ставил перед собой такую задачу. Мне хотелось бы только еще раз подчеркнуть огромное значение и непреходящую ценность книги «Палеоантропология СССР», которая и на рубеже XX столетия отнюдь не стала лишь предметом историографии.

Живая связь между идеями, заложенными Георгием Францевичем в его книге, и современной палеоантропологией не только в том, что эти идеи, в основном, находят подтверждение на современном этапе развития науки, вооруженной теперь уже не счетами, а компьютерами, но и в том, что его давние, как кажется, замыслы нашли практическое развитие в трудах работающих ныне специалистов. Некоторые из наметок Дебеца, которые он изложил в коротком, всего на одну страничку заключении к книге, стали впоследствии базой для фундаментальных научных трудов или даже послужили своеобразным катализатором для развития целых научных направлений.

Так, в последующих научных разработках практически осуществились задачи, связанные с изучением морфологии затылочной области человека (что выполнила Ю. Д. Беневоленская) и нижней челюсти (М. М. Герасимова), зубной системы (изученной А. А. Зубовым и другими), далеко продвинулось антропологическое исследование загадочной для Георгия Францевича и, во многом, для нас карасукской культуры (осуществленное В. П. Алексеевым, Г. В. Рыкушиной, А. В. Громовым), проведено широкое палеоантропологическое изучение и североевропейских популяций, активно проводятся исследования роли изолятов и метисации в расогенезе (группой Ю. Г. Рычкова), применяются новейшие популяционно-генетические методы (группой В. А. Спицына), продолжают изыскания в области палеоэкологии и влияния окружающей среды на организм человека (группой Т. И. Алексеевой). В этом списке я перечислил только те направления, которые Георгий Францевич упомянул в «Палеоантропологии», и не смог, конечно, упомянуть имена всех специалистов, которые внесли существенный научный вклад в разработку данного круга проблем. На самом же деле спектр антропологических исследований, в которых отчетливо ощущается дух научных идей и замыслов Г. Ф. Дебеца, гораздо ярче и намного шире.

1930-е — 40-е годы дали отечественной науке целую плеяду блестящих ученых, наделенных не только огромным талантом и замечательной эрудицией, высокими человеческими качествами, но и даром организации научных направлений, которые будут развиваться, надеюсь, и в наступающем, новом столетии.

Георгий Францевич по праву занимает почетное место в этом ряду, а его книга «Палеоантропология СССР» еще долго, уверен, будет служить образцом поистине научного труда, в котором удачно совместились огромный опыт, блестящая интуиция и высокий талант ученого.

Примечания

- ¹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. Т. IV. М.; Л., 1948.
- ² Дебец Г. Ф. Расы, языки, культуры // Наука о расах и расизм. Тр. НИИ антропологии МГУ. Т. IV. М.; Л., 1938.
- ³ См., например: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. I—III. Л., 1979.
- ⁴ См., например: Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крыжелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородаш «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3, Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 4—5.
- ⁵ Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979. С. 167—168.
- ⁶ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 340.
- ⁷ Ходжайев Т. К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит — начало XX в.) // Сов. этнография. 1983. № 3.
- ⁸ Казаков Е. П. Исследования раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 1982 года. М., 1984; Казаков Е. П. Исследования раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.
- ⁹ Васильев И. В., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Сов. археология. 1979. № 4.
- ¹⁰ Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- ¹¹ Яблонский Л. Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки. Тр. Гос. исторического музея. Вып. 85. М., 1994.
- ¹² Мамонтова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI. Л., 1980.
- ¹³ См., например: Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- ¹⁴ Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.
- ¹⁵ Шевченко А. В., Фирштейн Б. В. Палеоантропология населения Кобыкова городища I—III вв. н. э. (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XLIV. Л., 1990.
- ¹⁶ Яблонский Л. Т. Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1991.
- ¹⁷ Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970; Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1986. С. 234.

G. F. Debetz's «Paleoanthropology of the USSR» and the modern paleoanthropology

For a long period «Paleoanthropology of the USSR», which appeared as a generalization of the vast methodological and empirical materials, used as a guidance for several generations of the Soviet anthropologists and archaeologists. Debetz was one of the most outstanding scientists and organiser of science. It was Debetz who gave way to many branches of the modern anthropology; he paid a great tribute to the development of the Soviet and Russian anthropology.

L. T. Yablonsky